

17. Червинская, К.Р. Психологические основы инженерии знаний: учеб. пособие / К.Р. Червинская. - СПб.: Фак. психологии СПбГУ, 2009. - 148 с.
18. Червинская, К.Р. Психология извлечения экспертных знаний субъектов труда: автореф. дис. ... д-ра психол. наук / К.Р. Червинская. - СПб., 2010. - 46 с.
19. Velichkovsky B. M., Shmeljov A. G. Psychological tools of knowledge engineering // Technological change process and its impact on work. Ed. by R.A. Roe, M. Antolovits, E. Dienes. — Budapest TU: HCCWP & ENOP Budapest, Hungary, 1991

Бурлакова Н.С.

ПРОЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ: ДИСКУССИИ О НАУЧНОМ СТАТУСЕ, ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

За более чем 100-летнюю историю существования проективных методов, начиная с теста словесных ассоциаций К.Г.Юнга (1904 – 1906 г.), их развитие происходило в условиях периодов подъема интереса к ним (в 1940-50-е гг.; затем в 1980-90-е гг. и т.д.) и достаточно ошутимого спада, как это, например, произошло на волне социальных и общественных преобразований в 1960-70-е гг. Новые проективные методы появлялись и разрабатывались в различных социальных и научных контекстах, они определялись «духом времени» и социальными ситуациями, актуализирующими интерес к определенным типам психологической информации. История, этапы развития этих методов, их сложное соотношение с научным познанием, хотя и становились предметом обсуждения в отечественной и зарубежной психологии [9;6;10;11;12;3], но по-прежнему требуют осмысления и дальнейшего систематического изучения.

Без рефлексии этой истории невозможно обращение к остро дискуссионным аспектам проективной методологии, среди которых на сегодняшний день по-прежнему особо выделяются вопросы валидности и надежности этих методов; характера их проведения, способов интерпретации данных. Не менее острым остается вопрос о теоретическом обосновании данных методов, по-прежнему представляется не проясненным статус проекции в проективной диагностике. Мнения по всем этим вопросам разнообразны и иногда полярны.

Под все более ощутимым влиянием когнитивной психологии, а также широкого использования процедур психометрической оценки, разработанных для психологических тестов, сегодня можно услышать крайние радикальные предложения, например, о ликвидации данного класса методов как самостоятельных, о нежелательности их применения в ряде практикоориентированных областей. Высказывается и другая точка зрения о переосмыслении и анализе оснований, на которых базируется данный класс методов. В качестве одного из примеров можно назвать точку зрения, согласно которой проективные методы необходимо видеть как методы, дающие возможность диагностировать как эксплицитные паттерны мышления, мотивации и пр., так и имплицитные процессы в условиях проблемно-ориентированной задачи, которая содержится в стандартизированном стимуле [26]. Это влечет за собой соответствующую смену способов обработки и интерпретации данных (с тенденцией к все более широкому использованию различных шкал) [15;23;26;27]. Позитивистским и неопозитивистским взглядам на проективную методологию противостоит феноменолого-герменевтическая традиция, представленная разработками исследователей разных стран. В ее рамках продолжается развитие идей, которые исторически закладывались в создание проективных методов (целостность в противовес атомистичности, понимание индивидуальности, ориентированность на глубинное знание о личности и т.п.) [16;19;22]. Характеризуя ситуацию в целом, можно сказать, что в зарубежной и отечественной науке наблюдаются углубленная критика и проверка проективной методологии на ее жизнеспособность, напряженный открытый и скрытый диалог между представителями позитивистской и феноменолого-герменевтической традиций.

Ситуация выглядит как достаточно острая также и потому, что отсутствие социальной желательности ответов, заложенное в конструкцию проективного метода, глубина и охват личностных содержаний, которые становятся доступными опытному профессионалу, ставит иные известные психологические методы диагностики в ситуацию явного проигрыша по сравнению с проективными методами.

Длительный путь использования и разработки проективных методов не позволяет отказаться от получаемого с их помощью знания, в свою очередь тесно связанного с психотерапевтической практикой и глубинным пониманием личности, которое в ней предполагается. Актуальность биопсихосоциальной модели в решении проблемы психического здоровья и полноценной включенности рассматривает психологических факторов в качестве причинных обостряет интерес исследователей к внутреннему миру и его функциям как потенциально каузальным факторам (Bandura A., Mahoney G., и др.). Потенциальный вклад эмоциональных и мотивационных процессов недоступен только лишь прямому самоотчету и не может быть проигнорирован, в связи с чем оправданным и требующим дальнейшего развития является обращение к проективным методам [14;27;11].

Актуальность проективных методов доказывается широкой констатацией практически ежедневного использования этого диагностического инструментария в работе клинических психологов, которые видят в данных, получаемых при помощи проективных методов, серьезные преимущества. Этот факт вновь и вновь подтверждается в современных международных исследованиях [17; 25]. Данные опросов специалистов показывают, что 82% клинических психологов отмечают, что проективные методы занимают важное место в обследовании пациентов, из них 43% - обращаются к проективным методам «часто или всегда». По оценкам зарубежных авторов, наряду с тестом Векслера, ММРІ, гештальт-тестом Бендера тест Роршаха и ТАТ [13;25] входят в десятку наиболее важных методов, чаще всего используемых клиническими психологами. Так, например, согласно некоторым данным, только тест Роршаха проводится не менее шести миллионов раз ежегодно. В отдельных странах широко распространено не только применение ТАТ и теста Роршаха, но и графических проективных методик.

Необходимость обучения проективной диагностике фиксируется также большинством руководителей отделений клинической психологии ведущих университетов [17]. Отметим, что данная тенденция наблюдается устойчиво, несмотря на научные дискуссии о статусе проективных методов и характере получаемых с их помощью данных. Таким образом, предметное поле,

окружающее проективные методы и осуществляемую с их помощью диагностику, крайне противоречиво и в научном отношении непрозрачно.

В этой ситуации научно и практически востребованным является методологическое исследование истории и современного состояния проективных методов с точки зрения осознания проблемной ситуации, оснований критики по отношению к ним для раскрытия потенциальных возможностей проективной методологии, уяснения имплицитных в ней и до сих пор не актуализированных специфических факторов верификации, скрытых возможностей, которые часто игнорируются позитивистской парадигмой выстраивания психологической диагностики. Такая работа может, с одной стороны, создать условия для ограничения нерелективного использования проективных методов, достаточно широко распространенного в отечественной психологической практике, а с другой, – создать условия для более точного, прицельного их применения.

На пути доказательства проективных методов в качестве научных методов можно выделить разные направления их развития. Одно из направлений характеризуется приматом статистической обработки данных определенного проективного теста на больших выборках, созданием норм, вычислением различных корреляций, индексов и пр. Преимущественно по этому пути пошло берущее начало от исследований Экснера современное развитие теста Роршаха. Другое направление связано с разработкой и развитием различных схем интерпретации (как было с ТАТ, и здесь они столь многообразны, что их количество образно сравнивается с «количеством волосков в бороде Распутина»). Третье направление, которое развивалось в ответ на критические замечания в связи с субъективностью интерпретативных заключений психологов, связано с разработкой различного рода шкал, которые должны были нивелировать субъективные привнесения исследователя и объективировать тестовые данные. Это предполагает также выход из затруднительного положения, характерного при анализе проективных данных разными психологами, которые могут давать разные интерпретации. В идеальном случае можно представить, что все интерпретации будут правильными, но разной меры глубины. И для того, чтобы уни-

фицировать тот слой материала, который необходимо охватить, и отчасти задать в некотором смысле необходимую и достаточную глубину его анализа, имеют смысл применение шкалы.

Вместе с тем все три направления развития проективной методологии свидетельствуют о ее кризисе, который пытается быть разрешенным, с одной стороны, при помощи внешних статистических процедур и обращением к массовым выборкам, с другой стороны, через поиск все более изощренных и обобщенных схем интерпретации, и наконец, через сведение проективной методологии к процедуре шкалирования, иногда с тоской по «утраченному раю» в виде того богатства, каким в реальности обладают проективные данные. Так, например, Н. Сэнфорд – один из авторов известной шкалы авторитаризма (разработка которой в существенной мере базировалась на данных из клинического интервью и проективных методик) - утверждала в дальнейшем, что если бы ей предоставили выбор между изучением авторитаризма при помощи этой шкалы или же без нее, но обратившись к содержательному богатству рассказов ТАТ, то она, не задумываясь ни минуты, предпочла бы ТАТ [18]. В сущности, этими «жертвенными» путями психологи хотят отстоять «научность» проективной методологии. Но по сути дела сущность проективного метода здесь выхолащивается и сводится к исследовательским процедурам иного типа. Эта ситуация, с нашей точки зрения, требует возврата к истокам проективной методологии. На этом пути есть возможность возрождения проективных методов на их собственной основе, без редукции к иным типам методологии [4;1;2]. Это будет решать и задачу защиты от чрезмерной популяризации проективных методов, их широкого проникновения в среду непрофессионалов, «по-простому» находящих признаки и их наборы и весьма бездоказательно их трактующих.

На сегодняшний день существуют многочисленные проблемы в профессиональном использовании проективных техник: фиксируется большое количество вариантов отбора стимульного материала, различных вариантов проведения даже наиболее известных устоявшихся проективных методик, таких как ТАТ, рисуночные методы и пр., характера их интерпретации и сопоставления полученных данных между собой. Например, тест Роршаха, ТАТ и «Рисунок человека» часто проводятся в одной

«батарея», эти методики имеют солидную историю, накопили большой массив данных, которые возможно было бы сопоставлять друг с другом. Вместе с тем эти данные все же получены разными методами и их сопоставление и коррелирование не всегда методологически адекватны. Те результаты, которые получены при помощи теста Роршаха, ТАТ и проективной методики «Рисунок человека», актуализированы разным способом при задействовании разных психических механизмов. В них актуализируются проективные содержания различного типа, поэтому если быть точным, то и их прямое сопоставление оказывается затруднительным. Когда дается задание «нарисовать человека», то исследователь имеет дело с проективным содержанием, которое возникает именно в процессе рисования и внутри этой формы деятельности или посредством данного типа самовыражения испытуемого. Когда применяется тест Роршаха, актуализируется восприятие стимульных таблиц с неоформленными изображениями. Эти типы «деятельности» (восприятие, рисунок) могут быть в некотором роде совершенно противоположными и совсем не дополнительными у различного типа испытуемых. Нечто подобное можно сказать и о придумывании рассказов в ТАТ. Рассказ – это уже не только восприятие, но и особый вид деятельности. Наши исследования показывают, что уже рассказы детей по картинкам САТ достаточно сложным образом связаны с актом восприятия. Так что, например, при исследовании с помощью САТ приходится учитывать отдельно процесс восприятия и процесс составления рассказа, а также динамическое соотношение между этими двумя процессами [4]. Также наши исследования демонстрируют, что различные проективные методы «схватывают» различные типы проективного материала, как по форме, так и по содержанию [4]. В этом отношении сопоставления и корреляции результатов различных проективных методов напрямую, которые многие годы пытаются проводить исследователи, представляется действительно затруднительной, а иногда и методологически неадекватной. Для того, чтобы сопоставлять эти данные, важно в начале их методологически осмыслить как по форме различных методик, так и по получаемому в рамках особой формы содержанию. И только

затем можно уже продумывать процедуры сопоставления и сравнения.

Обычно в исследованиях речь идет о корреляции и взаимном подтверждении данных проективных методов и дополнительности данных. В последнем случае, например, можно говорить, что «Рисунок человека» дает нам одни данные, а «Рисунок семьи» – еще некоторые другие. Но в зависимости от психологических задач применения проективных методов, требования и вопросы к проективным данным могут существенно различаться. Скажем, если при практическом применении проективных методов нам важно получить некоторую целостную картину личности пациента, то обозначенные проблемы методологической рефлексии здесь могут быть не столь важны, поскольку в процессе последующей работы можно проверить свои гипотезы. Кроме того, существует некоторый более или менее длительный период работы с пациентом. Другое дело – научные исследования. Здесь тоже можно устанавливать корреляции между различными методами, но они без глубокой аналитической рефлексии структуры проективного метода будут носить явно поверхностный и механический характер, представлять собой взаимодействие личностных переменных (часто случайных) «внутри психики теплокровных индивидов», индивидуальность же при таком подходе изучать и вовсе невозможно. В этом случае корреляции устанавливаются между определенными «свойствами» личности, «качествами», т.е. определениями личности извне, носящими рассудочно-внешний характер, которые ничего не говорят о внутренней динамике и структуре личности, динамике самосознания. А если и говорят, то весьма косвенно. Но изначально идея проективных методов состояла все-таки не в этом, а в том, чтобы понять внутренний мир индивида и, по возможности, в его целостности (Мюррей Г., Абт Л., Франк Л.).

Еще одна проблема состоит в сопоставлении данных проективных методов с опросниками и иными (объективными) тестами. Здесь тоже продуктивность этих сопоставлений должна быть опосредована методологическим анализом построения соответствующих диагностических процедур. И при так построенном сопоставлении эти данные можно не просто соотносить между собой, но взаимно дополнять ими друг друга, а в идеаль-

ном случае, если опросник (или же опрос) дает содержание, доступное самоотчету, то проективные методы могут предоставлять данные, недоступные непосредственному самовосприятию.

Отмечается также существенный зазор между очевидной информативностью получаемого проективного материала и научно подтвержденной надежностью и валидностью проективных методов, что, по мнению Vane J.R. [24], можно охарактеризовать как «восторг для психолога, но кошмар для статистики». В качестве примера такого «кошмара» можно привести прежде всего, так называемый эффект «Уолтера Митти» [20], когда некоторые респонденты показывают высокий уровень данного атрибута (например, мотивации достижения) не потому, что они в действительности обладают его акцентированной выраженностью, а потому, что они фантазируют о тех, кто обладает высоким уровнем этого качества. А это свидетельствует как раз о том, что проективные методы и данные, полученные с их помощью, интерпретируются часто достаточно прямолинейно, в рамках какого-то предполагаемого общего идеального модуса саморепрезентации личности. При механическом переносе методики психоанализа на проективное исследование, фантазирование, например, рассматривается как нечто всеобъемлющее и несущее некоторую целостную информацию о личности. Но ведь помимо фантазирования существуют процессы воспоминания, мышления, самоосознания, и они могут нести совершенно иной тип информации или давать иные содержания проекции. Но это обычно может никак не учитываться и не анализироваться.

Другая зона сложностей в плане статистической верификации проективного метода состоит в том, что люди могут демонстрировать низкий уровень того или иного качества не потому, что он таков у них в действительности, а потому что они подавляют его или иным образом препятствуют его выражению. Например, известен факт «торможения эффекта», когда «человек может рассказывать истории, в которых много агрессии, однако, не проявляя ее в своих действиях» [24]. Для многих клинических психологов проблемы в этом нет, ведь можно представить себе случай, что человек в действительности является агрессивным, но боится быть таким. Из-за этого страха он выстроил успешную защиту против агрессии, так что на уровне поведения со-

здается впечатление кроткого и милого человека. Однако если агрессивный человек рассказал истории со многими агрессивными темами, то он будет считаться агрессивной личностью. По нашему мнению, это означает недостаточность однозначной и прямолинейной интерпретации проективных данных, что происходит очень часто как в клинко-психологической практике, так и в научных исследованиях. Так, применительно к обсуждаемому выше примеру, вопрос зачастую ставится так: есть агрессивные тенденции или же их нет? По крайней мере, ожидаемым результатом исследования являются некоторые качества личности, если не подтверждение определенной клинической картины или сведение данных проективного исследования к задаче отношения обследуемого к определенной нозологической единице. Отсюда все натяжки, которые можно встретить в проективных методах, неточности. Ведь та же агрессивность может проявлять себя на разных уровнях, иметь разную функцию в структуре личности (причем, только одна из них может иметь защитный характер); безусловно, ее важно отличать и от враждебности [7;8]. Наконец, агрессия может исходить из, что называется, различных субличностей внутри индивидуума. Соответственно речь может идти об очень сложно организованном внутреннем диалоге, который может стать результатом анализа данных проективной методики.

Применительно к оценке надежности проективных методов еще один факт состоит в том, что повторное тестирование при помощи, например, ТАТ дает низкие результаты, поскольку естественно, что респонденты часто чувствуют себя обязанными создавать неповторяющиеся истории [24]. Все это свидетельствует о «натурализации», которая охватила проективные методы, или точнее, которая была связана с ними в какой-то мере изначально, ведь их создатели в идеале хотели получать результаты напрямую, задавая определенные стимулы. Но реальность оказалась сложнее, стала меняться культурная ситуация, структура патологии и т.п. И это необходимо отдельно и тщательно анализировать.

Все названные сложности, возможно, и лежат в основе наблюдаемого отдельными исследователями наметившегося спада популярности проективных методов в последнее время [21]. Этот

кризис в проективной методологии на наш взгляд необходимо преодолевать посредством серьезного и многогранного методологического анализа проективных методик и проективной методологии в целом. В этом анализе можно выделить определенные области роста и развития, что по нашему мнению может способствовать преодолению кризиса.

Первой такой областью (разработка которой являет собой ответ на критические замечания о характере получаемых в различных проективных методах данных) выступает определение статуса проекции в разных проективных методах, аналитическое описание структурного их многообразия и возможностей различных вариантов проективных техник. Для понимания и практического применения проективных методик необходимо проведение анализа методической структуры и схватываемого различными проективными методами содержания. В данном случае это приблизит к ответу на вопрос, как работает та или иная проективная методика, в чем ее методические особенности, а также к созданию картины практико-методической реальности и уточненной классификации проективных методов на основании структурно-конструктивных их параметров, как общих для всех проективных методов, так и частных. Реализуя эту задачу, нами были проанализированы как малоизвестные в нашей стране проективные методики («Приключения поросенка Чернолапа», «Тест предпочитаемого животного»), так и методики, широко распространенные в отечественной психологии (ТАТ, САТ, графические методы и др.); а также выделены общие методические конституирующие проективный метод параметры, существенно уточненные по сравнению с ранее известными [4].

Второй областью для роста и развития может стать специальная рефлексия, более точное описание ситуации и процедуры проведения проективного метода и получения проективного материала. До сих пор ради сохранения видимости «научности» собственно ситуация получения проективных данных выносилась за скобки и в дальнейшем не анализировалась. Разработчики проективной методологии стремились сделать ситуацию применения метода как можно более «объективной», подобно тому, как это можно ожидать в естественных науках. Именно по этой причине не было существенного продвижения в аспекте

осознания ситуации проведения проективного исследования (за исключением самых общих, предваряющих моментов), в отличие от все большего совершенствования специалистами схем интерпретации данных, увлеченностью порождением все новых и новых так называемых формальных показателей. В проведенном нами цикле исследований было доказано, что проективный материал (его выражение) всегда организуется извне, зависит от предоставляемой для этого выражения формы, в том числе и от позиций и форм самовыражения, отчасти уже существующих в сознании индивидуума. И от того, насколько психолог способен уловить и включить эти позиции и формы в проективное исследование, зависят и качество получаемого материала, и глубина его анализа. Подчеркнем, что проективное исследование — это специально организованное взаимодействие, которое реализует функцию актуализации внутреннего опыта и в которое экспериментатор активно или пассивно включен. Таким образом, речь идет о процессе коммуникации, организованной с особой целью, и о необходимости рефлексии тех диалогических, социальных условий, в которых этот процесс разворачивается [1;2;4].

Применительно к организации выражения внутреннего опыта в проективном исследовании важно изначально описать (а позже обучить ей профессионала) определенную модель активности психолога, где заданы как общая ее направленность, в том числе характер задаваемых специалистом вопросов, наряду с уяснением особой занимаемой им феноменологической позиции. Одним из примеров такой модели может служить модель организации самовыражения ребенка в ситуации проведения Детского апперцептивного теста (САТ) [4]. Каждый из выделенных пяти уровней помощи в самовыражении в данной модели характеризуется особой функцией и содержит вопросы, которые, во-первых, не имеют однозначного и прямого характера и поэтому предполагают большую вариативность ответов ребенка; во-вторых, по структуре максимально соответствуют специфике детского самосознания в различные возрастные периоды. Следует отметить, что вопросы — это дополнительные проективные стимулы, они абстрактны по своему характеру и не противоречат идее неопределенности стимула в проективном исследовании, но позволяют уточнить тот характер неопреде-

ленности, который важен для детей интересующего нас возраста. Значимая особенность этой модели — рефлексия позиций психолога-слушателя. Каждая из этих позиций предполагает разную меру отождествления и разотождествления экспериментатора с наличной реальностью детского рассказа: от полной идентификации до различных вариантов перемещения взрослого с внутренней позиции ребенка-рассказчика во внешнюю, занимая которую психолог при необходимости может проблематизировать, избирательно «возвращать» изначально спроецированный ребенком материал в качестве вторичного стимула для проекции. Такой способ работы осознанно используется исследователем в качестве помощи в самовыражении, а также является диагностическим средством, но не формального характера, а предоставляющего возможность оценить в генетическом и актуальном плане опыт отношений Я и Другого [4; 1;8].

В этом контексте значение имеет не только сам проективный материал как таковой, но и характер его получения. Анализ этих двух факторов позволяет верифицировать данные, дает возможность увидеть различные уровни диалога Я—Другой. Это позволит говорить о характере получаемого при помощи проективных методов знания с учетом условий их проведения, позиции исследователя и пр., уяснить «вклад» исследователя-диагноста, что перестает быть «слепым пятном», но может быть проконтролировано для качественного получения данных и в дальнейшем учтено в диагностическом заключении.

Третья область развития касается собственно характера последующей работы с полученным проективным материалом. Обычно клинический психолог занят тем, что констатирует, например, наличный уровень развития эго-функций, дифференцированность репрезентаций, характер объектных отношений, и т.п., обращая либо к поиску символического содержания с последующим его истолкованием, либо процедуре шкалирования и /или логико-категориального анализа материала, что также в дальнейшем будет интерпретироваться. Тем самым присутствует неявная задача подтверждения той или иной теории, чьи конструкции встроены в данный тип анализа данных (на сегодняшний день это не только теория психоанализа и различные ее вариации, но и когнитивная теория, бихевиоральная, теории се-

мейных систем и пр.), часто эти теории находятся между собой в весьма противоречивом соотношении. У исследователя теряется открытость понимания, исчезает свободное отношение к материалу, поскольку квалификационные суждения часто predeterminedены схемами интерпретации и теоретическими установками исследователя, неявно стремящегося к их подтверждению. Не отрицая важность такой работы для ряда задач, которые стоят в клинической психологии, тем не менее, важно осознавать необходимость специальной разработки феноменологического метода анализа полученных данных, вскрывающего более непосредственные и живые структуры внутреннего опыта пациента. Это возможно, например, с опорой на более широкие и объемлющие аналитические концепты, например, диалогический подход, понятие диалога, которое дает форму анализа, форму предоставления знания, но не дает навязывания содержательных аспектов [4;1;2;5]. Ценность разработки способов анализа данных с точки зрения самосознания пациента, живой конкретной картины его проявления и функционирования без какого-либо домысливания крайне важна для той клинической психологии, которая ориентирована не на самодостаточное существование исключительно внутри академической науки, но на движение к преэминентности в проведении исследовательской процедуры, процессов диагностики и дальнейшей помощи пациентам.

Создание методологии, более точно описывающей структуру проективных методов и характер получаемого при их помощи знания с учетом условий их проведения, позиции исследователя, характера активности экспериментатора и пр., развития способов понимания индивидуальности обследуемого, раскрывает новые грани в использовании данных методов и позволяет в перспективе говорить о новом этапе в их развитии и применении. Как представляется, тем самым качественный клинико-психологический анализ, который сложился в Московской школе экспериментальной патопсихологии, получает возможность развития еще в одном направлении.

Литература

1. Бурлакова Н. С. О новых возможностях и перспективах развития проективной методологии // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. — 2008. — № 4. — С. 3–19.
2. Бурлакова Н. С. Циклы в развитии проективной методологии и новые возможности исследования самосознания // Психология. Журнал Высшей Школы экономики. — 2012. — Т. 9, № 4. — С. 111–124.
3. Бурлакова Н. С. Патофизиологический эксперимент: методология и перспективы // Вопросы психологии. — 2014. — № 3. — С. 3–14.
4. Бурлакова Н. С., Олешкевич В. И. Проективные методы: теория, практика применения к исследованию личности ребенка. — Институт общегуманитарных исследований. — Москва, 2001. — С. 352.
5. Бурлакова Н. С., Федорова Ю. Н. Метод формулирования случая в практико-ориентированном исследовании // Консультативная психология и психотерапия. — 2016. — Т. 24, № 1. — С. 109–129.
6. Бурлачук Л.Ф. Введение в проективную психологию. — Киев: Ника-Центр, Вист-С, 1997.
7. Ениколопов С.Н. Методы исследования агрессии в клинической психологии // Диагностика в медицинской психологии: традиции и перспективы / Под общ. ред. Н.В. Зверевой, И.Ф. Рожиной. — М.: МГППУ, 2011. С. 82- 100.
8. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии// Прикладная психология. — 2001.—№1. —С.61-72.
9. Зейгарник Б.В. Нарушения мышления у психически больных. — М.: Гос. научно-исследовательский институт психиатрии, 1958.
10. Леонтьев Д.А. Тематический апперцептивный тест. — М.: Смысл, 1998.
11. Соколова Е.Т. Проективные методы исследования личности. —М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
12. Соколова Е.Т. Из истории проективного метода. // Общая психодиагностика. Под ред. А.А.Бодалева, В.В.Столина.—М.:Изд-во МГУ,1987. С. 34-46.
13. Archer R.P., Maruish M., Imhof E.A., Piotrowski C. Psychological test usage with adolescent clients: 1990 survey findings. Professional Psychology: Research and Practice. —1991. — Vol. 22. — P.247-252.
14. Bellak L., Abrams D. The TAT, CAT and SAT in clinical use. —N.Y.: Allyn and Bacon,1997.
15. Blatt S. The validity of projective techniques and their research and clinical contribution // J. of Person. Asses. —1975. —Vol. 39.
16. Chabert C. Psychanalyse et Methodes Projectives. — Paris, 2004.

17. Durand V.M., Blanchard E.B., Mindell J.A. Training in projective testing: A survey of clinical training directors and internship directors. *Professional Psychology: Research and Practice*. — 1988. —V.19. —P. 236-238.
18. Geiser L., Stein M. A view to the Future. / Gleser L., Stein M.I.(Eds.) *Evocative images: The TAT and the art of projection*. — Washington, DC: American Psycholog.Association.1999.P.215-221.
19. Hermans, H.J.M., & Hermans-Jansen, E. *Self-narratives*.— N. Y.: Guilford Press, 1995.
20. Loevinger J. *Paradigms of personality*. — N.Y.: W.H.Freeman, 1987.
21. Piotrowski C., Belter R.W., Keller J.W. The impact of “managed care” on the practice of psychological testing: Preliminary findings// *J. of Personality Assessment*.—1998.—V.70.—P.441-447.
22. Schafer R. *Psychoanalytic interpretation of Rorschach testing*. — N.Y.: Gruny and Stratton, 1954.
23. Urist J. The Rorschach test and the assessment of object relations. // *Journal of personality assessment*.—1977.— V.41. —P. 3-9.
24. Vane J.R. *Thematic Apperception Test: A review*. // *Clinical Psychology Review*, —1981.— V.1.—P. 319-336.
25. Watkins C.E, Campbell V.L., Neiberding R., Hallmark L. *Contemporary practice of psychological assessment by clinical psychologists*. *Professional Psychology: Research and Practice*, 1995.— V.26. — P. 54-60.
26. Westen D., Feit A., Zittel C. *Methodological issues in research using projective methods // Areas of clinical research: Assessment / Ed. by P.C. Kendall, J.N. Butcher, G. Holmbeck*. 2nd ed. N.Y., 1999.
27. Westen D., Lohr N., Silk K.R., Gold L., Kerber K. *Object relations and social cognition in borderlines, major depressives, and normals: A Thematic Apperception Test analysis// Psychological Assessment*.—1990.—V.2.—P.355-364.